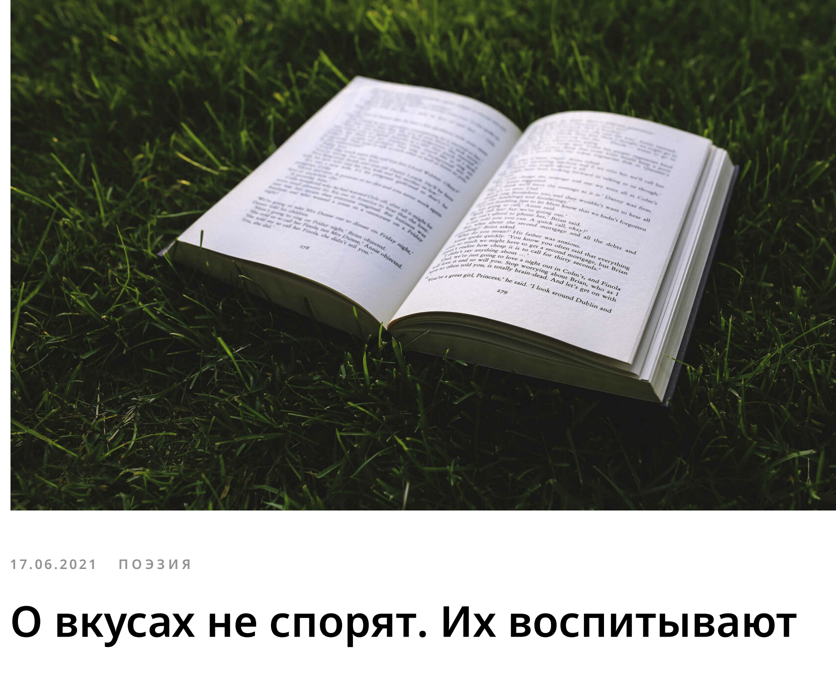

17.06.2021 ПОЭЗИЯ

О вкусах не спорят. Их воспитывают

Мария Ватутина

Размышления вслух

Каждый раз, когда заканчивается мой поэтический вечер или большой поэтический концерт, в котором я принимала участие, непременно подходит какое-то количество слушателей, которые произносят восхваляющие фразы, благодарят, говорят, как им понравилось, зачастую, эти фразы трогают до глубины души, потому что они возвышенны, сильны, они вселяют веру в автора и так далее. Как правило, одна-две женщины говорят, что они плакали. Слезы и для меня самой являются главным мерилом значения и силы художественного произведения, потому что они – как вишенка на торте, как шампанское, хлынувшее из бутылки – определяют градус нашего эмоционального напряжения, нашего эстетического восторга, которому невозможно больше умещаться внутри нас. Слезы моих слушателей или читателей – это знак того, что они сопереживали стихам, увидели в них своё личное, схожее с их опытом, вспомнили о пережитом – путём сложного ассоциативного ряда.

Но есть продолжение этой нескромной зарисовки.
Иногда доводится наблюдать, что те же люди, высказывавшие хвалу одному автору, тут же высказывают её и другому, который намного хуже. Или, допустим, разные люди подходят и говорят одинаковые вещи абсолютно несопоставимым по таланту участникам концерта. И так происходит десятилетиями.

Эти наблюдения девальвируют все похвалы, которые выданы кому бы то ни было. На похвалы, конечно, ориентироваться никто и не собирался, хотя они здорово затуманивают собственный взгляд на себя, но туман этот рассеивается. Речь не об этом. Речь о тех людях, которые не обладают стойким вкусом.

Неужели нет определенного тоннеля универсальных эстетических маркеров, спрашиваем мы себя, в котором невозможно хвалить неудачные произведения или неталантливого автора просто потому, что совершенного отсутствия вкуса не может быть при мало-мальском культурном уровне. То есть, я хочу сказать, что невозможно так просто натолкнуться на людей, один из которых видит красное, как красное, а другой считает, что перед ним белое. Врёт? Больное зрение?

Или нужно всего лишь не притворяться – ради корысти приблизиться к творцу, пусть бы и фальшивому?
Вкус – это категория эстетики, которая является, собственно, философским учением о чувствовании прекрасного…

Зададимся вопросом: существуют ли эталоны в искусстве, или нам не с чем сравнивать свои предпочтения? Сравнивать, соотносить, сверять. На мой взгляд, этот процесс со временем должен становиться автоматическим, но некоторые люди и не догадываются о том, что обладать дурным вкусом неприлично и опасно.

Читая тысячи подборок к конкурсу «Поэт года», я по первым строкам понимаю, передо мной талантливый поэт или самодеятельный, начинающий, любитель. Это не значит, что не надо проверить. Нужно читать всю подборку, потому что дальше среди непримечательных стихов может оказаться совершенно прекрасное, имеющее ценность и в таком одинарном виде. А может оказаться, что только первое стихотворение автор взял из юношеских и неудачных, а дальше всё идет в гору. Важны здесь и техника, и конкретные рифмы, и глубинный смысл, и свежие тропы. Важно всё, но, когда я читаю, я вкушаю стихотворение не по частям и не по пластам, а целиком. Плохие рифмы сами себя выдадут, зацепят, остановят. Но музыка талантливого стихотворения или возникает сразу, или не возникает вообще. И если уж она полилась, если сразу видна рука мастера, если на читателя начинает действовать некий магнетизм этого небольшого столбца, то становятся меньше видны другие огрехи в нём. На основании своего опыта я могу определить, дано или не дано, а кроме того, посвятил ли человек себя поэтическому творчеству, следит ли он за развитием поэтического языка, применяет ли современные приемы или свои собственные, чтобы открыть новые грани возможностей поэзии. Это становится ясно после первой прочитанной строфы. Конечно, мне об оценке достоинств поэзии и не нужно будет задумываться, если я читаю Давида Самойлова, Сергея Гандлевского или Геннадия Русакова, к примеру. Потому что их читаешь для эстетического наслаждения, как говорится, для души. Эта поэзия уже прошла проверку вкусом и не только с моей стороны, а как раз со стороны «расширенной читательско-эскпертной коллегии». Но если передо мной незнакомый автор, и он вдруг оказывается мощным, насколько же прекрасен этот миг открытия, когда я вдруг понимаю, что кем-то ещё на этой земле рождены настоящие стихи. Эта наша субъективная оценка «настоящая поэзия» – работает, только если у нас есть вкус, развитый на достойных образцах, начиная с канонических, с классики, и заканчивая современной поэзией в её многообразии и в лучших образцах, в частности.

Но всех нас формируют совершенно разные книги, хотя и школьную программу никто не отменял, а она одна на всех (ну, почти). И тут мы вспоминаем об интернете, о том, что он предполагает по своей идее – всеядность. На любой запрос – тысяча ответов. Образование же сейчас строится по принципу: учись искать сам. Я несколько раз убеждалась в том, что педагоги намеренно не дают списков литературы. Они дают – свободу, думают они («читайте всё, что найдете по теме, и учитесь отделять важные источники от неважных»). Но, извините, так мудрость веков от одного поколения другому не передается. Это не свобода – это анархия. Анархия потребления знаний, набивания себя ширпотребом вперемежку, да и вперемешку с сокровищами цивилизаций. Всё равно ширпотреб победит, потому что он понятнее, проще, он вездесущ. Так не воспитать вкуса, потому что до воспитания вкуса нужно взрастить в себе критическое мышление, способность отсеивать незначительную, лишнюю информацию, а остальную структурировать и систематизировать. Этим и было ценно старое образование, особенно высшее. На первое место там всегда ставилась методология, метод науки, то есть способ её изучить. И конечно, список литературы – базовой литературы, от которой отталкиваясь можно с бо́льшим доверием найти и другие источники, развить свои интересы в более узкой сфере.

Можно смотреть на эту проблему несколько с другой стороны. Если понимать под «вкусом» совокупность пристрастий личности в различных областях знания (без соотнесения, условно говоря, с каким-то эталонным вкусом), то свобода вкуса безусловно существует – прямо по пословице: то есть бессмысленно спорить о вкусах или пытаться на них повлиять фронтально, если они уже сложились. В лоб – невозможно, но существует консалтинг и маркетинг. Смайл.

Между людьми в одной какой-либо среде или области деятельности существуют тысячи видов коммуникаций. Вкусы не скроешь, на то они и вкусы, чтобы они проявлялись в наших предпочтениях. Поэтому частные вкусы так или иначе становятся публичными и оцениваются определенным сообществом, а мы говорим, конечно, о литературном сообществе. В какой-то момент чьим-то вкусам и прогнозам начинают либо усиленно доверять, либо не доверять совершенно. В конечном итоге, так и формируется пласт достижений искусства, который выходит на уровень культурных ценностей народа и остаётся для демонстрации следующим поколениям людей. То есть искусство той или иной эпохи – это продукт вкусов и установленных эталонов определенной, обладающей характерными вкусами, группы, способной влиять на спрос. В какой-то исторический период эти вкусы формировали властители, церковь, богатые люди. Затем вкусы стало диктовать появившееся племя критиков – профессиональных ценителей, чье слово до сих пор назначает цены, гениев и моду.

Что же в искусстве, а конкретно, в литературе, происходит сейчас? Кто представляет, в смысле – анонсирует, публике набор уже прошедших сито предложений, кем отбираются книги, о которых говорят, кто оценивает их качество, уровень мастерства, новизны, глубины и т.д.?

Тот факт, что современный человек неимоверно загружен, не имеет времени ни на что и хочет, чтобы информация была лаконичной и быстрой – это аксиома. И он, конечно, хочет, чтобы ему дали экспертов, а эксперты сказали ему, что читать. При этом сами эксперты то же имеют свои механизмы выдвижения в «авторитетные», их тоже выдвигает некое книжное, журнальное, издательское сообщество, заинтересованное в продвижении продукции. Впрочем, журнальный пул работает в этой области также ради издательств и/или чтобы просто была такая модная рубрика. Кстати, делать из чтения модное, стильное занятие – это скорее благо, если только речь идёт об усвоении и последующем обсуждении содержания, а не о формальной внешней картинке надутой дамочки с книжкой на пляжном лежаке.

Итак, какие же мощные потоки выносят на суд читателей те или иные книги – в наше время и в нашей стране?

Если говорить о прозе, ставшей самой известной в последние десятилетия, то путь к признанию – это однозначно премиальный гон. Работа прозаика сейчас – это, помимо сочинения самой книги ещё и поиск и оплата литагента, выяснение правил представления книги на одну из главных литературных премий, попадание в длинный список, короткий список. В принципе, короткий список таких премий как «Большая книга» или «Нацбест», или «Ясная поляна» и некоторых других, это уже раскрутка, касса, некоторое количество денег для недолгого содержания семьи в ближайшие несколько месяцев, может быть, одна большая покупка. Ну, и околотворческая деятельность – поездки на ярмарки, встречи с читателями, другие публичные мероприятия. Но сразу за получением премии, автор вынужден включаться в дальнейший гон, потому что нельзя допустить, чтобы забыли имя. И потому что жить на что-то надо, и нравится писать книги, а не сочинять инструкции. Члены жюри и литературное сообщество, может, и не забудут быстро, но читателям нужно напоминать о себе, и желательно, ещё неоднократно побеждать со своими книгами в подобных состязаниях. Нетрудно заметить, кто из авторов боится соскочить с волны известности и постоянно выпускает роман за романом, а кого это всё не заботит, и он ждет себе тихонько озарения. Но в целом, конечно, в выходе книги, в привлечении к ней внимания экспертов работают законы рынка, причем книжного рынка, рынка забитого предложением, давно уже технологичного: с пониманием аудитории, возрастного ценза, запроса читателя на тему и жанр, с конкуренцией, с примыканием к влиятельным кругам издателей, политиков, чиновников и т.д.

Евгений Водолазкин, Гузель Яхина, Виктор Пелевин или Алексей Иванов, десятки ведущих писателей прошли премиальный трамплин. Раскрутка – неотъемлемая часть пути даже самого талантливого автора к массовому читателю. Как видим, вкус избранных критиков здесь малая толика успеха, малая толика всего того, что влияет на человека, побуждая его купить и оценить роман.

У поэтов денежных и определяющих иерархию премий мало, и они – поэты – прежде всего разделены на идеологические лагеря. Бессмысленно традиционному поэту, воспевающему родину, отправлять стихи на Премию Андрея Белого. К примеру. У прозаиков всё попроще: там или зашло, или не зашло. Человек, пишущий прозу, как правило, умеет излагать мысли литературным языком, и главное для него – убедительно и художественно (как он это понимает) – высказаться. В поэзии один лагерь абсолютно уверен, что другой лагерь не умеет писать, не талантлив, и что «это не поэзия». Вот такая разница в подходах. Выработать общие каноны, устанавливающие ценность произведения, трудно.

При этом, если уж вернуться к теме вкусов, в жюри обычно входят люди, обладающие способностью смотреть на вещи объективно, ушлые в литературе, начитанные и «пожюрившие» в своей жизни вдосталь.

Вот и остаётся сделать вывод, что вкус в поэзии нынче сводится к идеологической составляющей, к политическим пристрастиям и клановому чувству локтя.

Собственно, к каким явлениям относится вкус человека? Многие умные люди отвечали на этот вопрос по-разному. И если Оноре де Бальзак, Махатма Ганди относили вкус к умственным способностям человека, то Жан-Жак Руссо относил вкус к проявлениям чувственного восприятия разума.

И мне эта точка зрения ближе, потому что внутри того переживания, которое зиждется на вкусе человека, скрывается именно эстетическое чувство и чувство удовольствия: то, что нам приятно – находится в нашем вкусе, что не по нашему вкусу – нас отталкивает. С другой стороны, именно на эмпирическом знании построены наши чувства. Если бы мы не читали Ахматову, Ахмадулину или Кекову, как бы мы узнали, что стихи Марии Захаровой не очень хороши. Таким образом, в формировании вкуса, конечно, участвует и опыт, и интеллект, и порог чувственности, существующий в человеке.

Может быть, вкус – это единственная чувственная реакция, которая основывается на наших базовых интеллектуальных познаниях.

Точно сказал об области действия вкуса французский мыслитель XVIII века Вовенарг: «Хороший вкус есть способность верно судить о предметах, связанных с областью чувства».

И действительно, у нас не может быть собственного вкуса в области физики, формы облаков или открытий медицины. А в отношении различных фруктов, автомобилей или театральных постановок у нас могут быть свои оценки и предпочтения. Так же и в отношении поэтических произведений. У нас должно быть достаточно вкуса и интеллекта, чтобы понять, что перед нами стихи настоящего большого поэта, заслуживающего признания его таланта и важности его произведений, а любить и предпочитать из массы хороших поэтов каких-то определенных – это уже второй этап работы вкуса, чувственный.

С помощью этой смысловой конструкции проще понять обе половины простой фразы И. Канта о том, что вкус есть «способность судить о прекрасном». Мы видим, что субъект здесь должен уметь понять, что перед ним – прекрасное, то есть, обладать знаниями в этой области, а также обладать чувственной, эмоциональной способностью, то есть развитой чувственностью.

Меня никогда не убедят в том, что сколько людей, столько и мнений, что нет истины в последней инстанции и взгляды на стихи у всех свои. Это приводит к торжеству серой массы, исчезновению критериев в искусстве, к сведению искусства к всеобщему самовыражению (без навыка и таланта). Со стороны читателя вслед за этим возникает всеядность и неразборчивость, без лучших и худших в искусстве – теряются ориентиры и не происходит прогресса, развития искусства.

В полной свободе и анархии никогда ничего не рождается, только через сопротивление правилам, в нарушение правил или вследствие идеального соблюдения правил рождается Давид и Мадонна Солли, Ренуар и Кандинский, Ломоносов, Маяковский, Хлебников, Ахматова и Бродский, Евтушенко и Вознесенский.

Отсутствие вкуса в поэзии означает незнание поэзии. Непризнание чуждых тебе поэтов лишь по одной этой причине – это отсутствие художественного вкуса. Признание поэтов с небольшими способностями – вообще поэтами, это тоже отсутствие вкуса, потому что – это отсутствие знания. А знание воспитывает вкус.

Иногда мы не можем напрямую признать труд поэта напрасным, а его талант преувеличенным. И это правильно, потому что человеческий такт никто не отменял, и это ещё одна большая тема для разговора. Но никто и никогда не заставит меня вступиться за плохие стихи. Этого мы в силах не делать.

Мария Ватутина